

В. ПЬЕЦУХ*

Дневник читателя**

Если ты человек праздный, то есть тебе дела нет до биржевых котировок или оптовых цен на пиво, то разум твой незащищен перед влияниями извне. Вот пример того, как одно постороннее замечание может вогнать такого человека в изнурительные размышления и тоску...

Читаем у Чезаре Ломброзо: «Те, кому выпало редкое счастье жить рядом с великими людьми, знают, что все они сумасшедшие».

Вот так так! Это, стало быть, мыслители, ученые, художники, вообще выдающиеся деятели в сфере нематериального, на которых держится человеческая культура, — это всё обыкновенные «психические», как говорят у нас труженики города и села. Отсюда, между прочим, логически вытекает, что нормальные, здравомыслящие особи — это как раз труженики города и села.

Впрочем, может быть, так и есть. Ведь известно же нам, что многие великие люди страдали такими свойствами, которые несовместимы со здравым смыслом, например, страстью к положительному труду. Менделеев работал даже во сне, Петр Чайковский только во сне и не сочинял, Лев Толстой оставил после себя девяносто с лишним томов шедевров, Саврасов бесконечно воспроизводил в красках прилет грачей. Кроме того, великих людей обличают некоторые фантастические поступки: например, Диоген жил в бочке из-под вина. Причем если на Западе таким образом отличались через одного, то в России все: Сумароков ходил похмеляться до ближайшего кабака в ночной рубашке и с Аннен-

* Вячеслав Алексеевич Пьецух (1946–2019) — русский писатель, редактор, репортёр, педагог. Литературным творчеством начал заниматься с 1973 г., публиковаться — с 1978 г. С января 1993 по июль 1995 был главным редактором журнала «Дружба народов».

** Октябрь. 2000. № 7.

ской лентой через плечо; Чайковский, будучи в Нью-Йорке, увидел в окошко демонстрацию мусорщиков и до того напугался, что со страху залез под стол; Лев Толстой полжизни провел в мыслях о самоубийстве; Саврасов, кроме водки и клюквы, ничего иного в пищу не употреблял; Менделеев на досуге мастерил чемоданы; Циолковский считался в Калуге городским дурачком, и ему ангелы являлись; Маяковский у себя на лбу бабочек рисовал. Вот и выходит, что великие люди суть сравнительно сумасшедшие, если в иных случаях не вполне.

Но тогда почему именно эти ненормальные испокон веков сизидали человеческую культуру, если бок о бок с ними всегда жили труженики города и села? Казалось бы, им-то и карты в руки, ибо труженик, как правило, трезв, расчетлив, целеустремлен и наперед знает свою судьбу. Но нет, ничего метафизического не родилось в этой здоровой среде, помимо хоровода, частушек и хохломы. Да и то хохломскую роспись не соборно же выдумывали всей Нижегородской губернией, а, поди, выдумал сей стиль какой-нибудь безвестный «психический» из народа, который видел ангелов и нарочно жил в собачьей будке вместо бочки из-под вина. То есть, скажем, народная песня — это такая песня, которую неизвестно кто именно сочинил.

Поэтому вопрос о роли личности в истории хорошо бы пересмотреть. В истории государств, движений, войн и прочих стихий общественного порядка пусть роль личности остается вторичной либо покуда гадательной, в рамках старинного силлогизма насчет того, кто ведет козла на бойню: веревка или десница поводыря. Но что до культуры, то невольно приходишь к выводу, что ее строили сумасшедшие, пускай даже относительно, если в иных случаях не вполне. Разве трезвомыслящий человек, знающий толк в арифметике и закваске, построит храм Василия Блаженного, который даже культурные люди называли «бредом пьяного огородника»? Нарисует селедку с головой человека, которая через столетие будет стоять, как пароход? Сочинит гениальную «Героическую симфонию» в честь кровопийцы и дурака? Трезвомыслящий человек, как это ни странно, даже анкерный механизм придумать не в состоянии, а изобрел его, как это ни странно, драматург Бомарше, который страдал kleptomанией, манией величия и смертельно боялся блох. Разумеется, не каждый сумасшедший напишет «Мертвые души» или откроет принцип реактивного движения, но и Гоголь, и Циолковский были положительно не в себе.

Таким образом, культура, самая наша суть, то, что с течением времени превратило говорящее млекопитающее в человека, есть следствие деятельности одиночек, которые были в той или иной

степени не в себе. Но тогда что есть норма, что аномалия, если культура составляет самую нашу суть? Может быть, норма — государственность, движения, войны и прочие формы каннибализма, может быть, норма — обыватель, который интересуется исключительно биржевыми котировками или оптовыми ценами на пиво, а культура... это так, детский случай, что-то вроде «родничка» на темени у младенцев, который, дай срок, затянется сам собой... Ведь странно все-таки: здравомыслящее большинство есть, чтобы работать, и работает, чтобы есть, а горстка «психических» «невесть зачем и почему не жнет, не сеет, а созидает избыточное знание, которое напрочь не нужно труженикам города и села. Ну зачем они его созидают? Ответа нет. Разве что подумаешь: а зачем планеты вращаются в бесконечной Вселенной, которая к тому же еще и расширяется? Вращаются ли они, нет ли где-нибудь в созвездии Гончих Псов, это не скажется ни на деторождаемости, ни на урожайности зерновых... Видимо, не зачем, а затем, что их Бог сотворил и завел, как часы заводят, из субстанциональной способности к творчеству или, если угодно, из неспособности не творить. Следовательно, наши «психические» сочиняют затем же, зачем планеты вращаются: одни не могут не вращаться, другие не могут не сочинять. То-то Гегель называл их «доверенными лицами мирового духа», видимо, подозревая, что сам Создатель бытует за рамками здравого смысла и в некотором роде не ведает, что творит.

Или, может быть, напротив: норма — это горстка сумасшедших, которые созидают культуру, то есть самую нашу суть. В этом случае искусство никак не принадлежит народу, а принадлежит оно узкому кругу творцов и потребителей прекрасного, которые тоже по-своему не в себе. Как же они в себе, если, вместо того чтобы заняться делом, они нацепят очки на нос и ну читать.

Словом, одно из двух: либо прав Платон и в идеальном государстве всех поэтов следует перевешать, чтобы они не смущали простой народ, либо Христос нам явился зря. Ибо не только способность к творчеству, а сама человечность есть прямое сумасшествие, хотя бы потому, что она обращена не на себя любимого, а вовне. Недаром князь Святослав Игоревич смеялся над христианами, поскольку в глазах нормального человека «возлюби врага своего» — это, конечно, бред. Также недаром настоящих последователей Христа раз-два и обчелся, разве что наши «психические», которые вечно отдают человечеству всё до последнего кодранта, а взамен получают кто чашу с цикутой, как Сократ, кто общую могилу, как Моцарт, кто астму, как Пруст, кто пулю, как Пушкин, а кто по минимуму — жену-заразу и невылазные долги.

Закономерность эта настолько стойкая, что иной раз заподозришь вмешательство в творческий процесс иной, противоположной, злобствующей силы, которая ежеминутно нашептывает тебе: а ты, бродяга, не сочини!

«Писать его портрет — трудно».

Из очерка М. Горького «В. И. Ленин».

И действительно, нет более загадочного, неосвоенного исторического персонажа, нежели Владимир Ульянов-Ленин. Даже Иисус Христос весь как на ладони, и феномен Емельки Пугачева легко поддается анализу, и Наполеон Бонапарт понятен, а Ленин нет. Слишком уж он широк, слишком многосторонен в диапазоне от гуманиста до палача. И то сказать, сколько кровей в нем было понаmeshано — лейкоциты русские, эритроциты шведские, тромбоциты еврейские, гемоглобин калмыцкий, антитела, вероятно, от чуваша. Недаром он и внешностью был чудной: лицо земского деятеля честного направления, а туловище волжского бурлака, приземистое, плотное и до того коротконогое, что, сидючи, он только мысками ботинок до пола и доставал.

Неудивительно, что на его счет путались даже те, кто превосходно знал вождя в борении и в быту, Вот в восемнадцатом году дружбан Горький о нем писал: «Ленин “вождь” и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу. Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы...» А в тридцатом году «буревестник» совсем иначе о нем писал: «... великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды (!) и ненависти ради осуществления дела любви». Вот такая метаморфоза, и это при том, что Горький знал Ленина как никто.

С нас же, внучат Великого Октября, как говорится, и взятки гладки, и это очень понятно, почему нам Ленина не понять. Главным образом потому, что он нас с младенчества гипнотизировал, глядя ласково и одновременно подозрительно с фотографического портрета, который не висел разве что при входе в общественный туалет. Так мы тогда и знали: если бы не Ленин, жили бы мы теперь, как в какой-нибудь несчастной Аргентине, где лечатся за деньги и солнце светит наоборот. После, в сравнительно зрелые наши годы, когда страна жила частично как во сне, частично как бы по «Домострою» и Первые Лица государства все были в разном градусе дураки, сделалось очевидно, что Ленин был самый культурный владыка за всю историю нашего отечества, не жулик и реалист. Во всяком случае, когда не показал себя пер-

вый коммунистический эксперимент, он честно и трезво вернулся к рыночному хозяйству, которое изначально не одобрял. В общем, мы, как добрые христиане в Христа, изо всех сил верили в Ильича, вместо того чтобы попытаться его понять.

Между тем, видимо, так и есть: Ленин был самый культурный владыка за всю историю нашего отечества, не жулик и реалист. То есть в тактическом отношении реалист, в стратегическом отношении он был отпетый идеалист. А то даже романтик, слепо и безусловно веровавший в мировую революцию, электричество, государственную форму собственности и, главное, в человека как благодатный материал, который только в силу социально-экономических обстоятельств пьяница и обормот, а так из него что хочешь, то и лепи. Таким образом, социалистическая эпопея, с одной стороны, представляет собой акт веры, с другой — чисто мальчишеское предприятие, отчаянную затею от избытка молодой энергии, пробу сил: получится — расчудесно, не получится — хлопнем дверью так, что содрогнется подлунный мир? И ведь получилось: такая фантастическая страна Россия, что получилось вопреки всем законам физики и даже семьдесят с лишним лет крутилось это перпетуум-мобиле, пока природа вещей не взяла свое. Именно пока не оказалось, что форма собственности сама по себе, а пьянство само по себе, что единственный источник прогресса — частная инициатива, а происхождение зла темно.

В остальном Ленин был реалист: ставки он делал всегда точные, например, на беспринципного босняка, поедом ел своих идейных противников, пароходами высылал вредную интеллигенцию за границу и перво-наперво раздавил тысячелетнее православие, классически понимающее разницу между добром и злом, благо знал из Белинского, что русский человек, в сущности, атеист. Хотя по-настоящему трезвым политиком был его преемник Иосиф I, который точно угадал, что, опираясь на учение Карла Маркса и особенности русской жизни, можно построить единственно грозную империю по древнеперсидскому образцу. Правда, этот был жулик, поскольку ради единоличной власти лицедействовал и ловчил. А Ленин нисколько жуликом не был, поскольку, как в женщину, был влюблен в коммунистическую идею, не то что его преемники, которые кадили марксизму так, по инерции, потому что Россия без вероучения не стоит.

А вот мудрецом Ленин не был, это что нет, то нет. Когда однажды его спросили, не опасается ли он, что со временем диктатура пролетариата вырождается в диктатуру пролетарских вождей, он искренне не понял вопроса и отвечал собеседнику невпопад. Ну разве что под конец дней был ему просвет, и он чисто по-русски,

задним умом понял, что дело куда-то движется не туда. А ведь, кажется, нетрудно было предугадать, что в нашей варварской стороне полостная операция на государственности закончится как-нибудь особенно безобразно, исходя хотя бы из опыта Великой французской революции, которая заразила идиотией самый культурный народ Земли. Кажется, нетрудно было предугадать, что во исполнение идеалов справедливости и добра Россия непременно пройдет через ад, какого не знает историческая наука, и в конце концов придет к тому, от чего ушла. Именно к либерализму, частной собственности и эксплуатации человеческого труда. О, как бы хотелось спросить Владимира Ильича: а миллионы погибших ни за понюх табаку, а неисчислимость исковерканных судеб, а черное море слез — это, товарищ, как?!

А никак. Горький пишет, что однажды Ленин, приласкав соседских детей, сказал:

«— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя в даль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Всё будет понято, всё!»

И действительно, с течением времени понято было всё. В-первых, мы вывели, в чем, собственно, заключается всемирно-историческое значение Октября: в том, что Россия дала сигнал прочим народам мира — в этом направлении хода нет. В-вторых, стало понятно, что самая страшная историческая фигура — это беспочвенный идеалист с пистолетом, которому и ножниц в руки давать нельзя. В-третьих, выяснилось, что социальное счастье зарыто не там, где его искали большевики. В-четвертых — что переустройство общества лучше не доверять особам, которые не в состоянии наладить собственную жизнь, особенно если они по природе аскеты, перекаати-поле и непривычны к положительному труду. В-пятых — что общественное бытие намного сложнее личного, не терпит простых решений и чуть что немедленно превращается как бы в небытие.

Между тем Ленин был человеком простых решений. Если партия — то орден фанатиков, которые беспрекословно слушаются вождя. Если торжество социальной справедливости — то «грабь награбленное» вплоть до последнего пиджака. Если дисциплинированная армия — то каждого десятого в расход за нестойкость, как это было заведено у монголов времен Бату. Даром что русский

народ говорит: «Виноват волк, что корову съел, виновата и корова, что в лес забрела», — вообще русачку по сердцу простые решения, то-то большевики одержали верх в баснословные сроки и сравнительно без потерь. Ленин, по воспоминаниям Горького, так и говорил: «Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто». И точно, просто, если понимать Советы как барскую затею, а коммунизм — как дорогое нашему сознанию равенство по линии бедности и невзгод. Вот и у Горького сормовский рабочий Дмитрий Павлов, отвечая на вопрос, «какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина», говорит: «Прост. Прост, как правда».

Положим, правда как раз сложна, правда — это, когда «виноват волк, что корову съел, виновата и корова, что в лес забрела», но то, что Ленин был прост, — это, как говорится, научный факт. Он не знал комплексов, не чувствовал юмора, не понимал искусства, выходящего за рамки обыкновенного, и своеобразно скрашивал свой досуг. Горький пишет: «В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в “мюзик-холл” — демократический театрик, Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на всё остальное и особенно внимательно (!) на рубку леса рабочими Британской Колумбии...» Вдруг «он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему».

Вообще о человеке легче всего судить по тому, что он любит, а что не любит. Ленин любил пиво, уличные шествия, Мартова, пролетариат, шахматы, а не любил: интеллигенцию за расслабленность, русских за разгильдяйство, буржуазию за хищничество, политических противников за то, что они мыслят не по нему. Впрочем, он был большой аккуратист и сторонник приятного обхождения, но, кажется, внутренняя культура ему мешала, не ко времени она была и не по обстоятельствам, как котелок, который он немедленно сменил на пролетарскую кепку, едва в воздухе запахло смутой и мятежом.

В сущности, только такой, по-своему ограниченный человек и мог взять на себя ответственность за судьбу всего мира, причем еще и гадательную, несмотря на страдания миллионов как неизбежную эманацию мятежа. Для этого, обдумывая мироздание, достаточно нечаянно уклониться от простой истины: счастливого человека нельзя осчастливить, а несчастного человека можно разве что накормить. Но ежели он олух царя небесного от рождения и по природе, то он что на полный желудок олух, что натошак.

Судя по тому, что Ленин был мономан, то есть субъект, безнадежно помешанный на идее, что он сердечно сочувствовал человечеству, а личность ни в грош не ставил, что он выказал способность добиваться цели любой ценой, — это был в своем роде Родион Романович Раскольников, только немец. Таковой комнатный мечтатель заранее распорядился бы насчет топора, не позабыл бы сменить цилиндр на неприметную фуражку, не упустил бы время и уж, разумеется, две убиенные тетки во имя высшей справедливости — это был не его масштаб. Собственно говоря, Ленин только потому шире определения, что давным-давно вымер этот тип дворянчика из народа, исчез, как стеллерова корова, человекопаровоз, он же пламенный революционер, драчливый, цельный, неглубокий, доброхот, который не ведает, что творит. В карты бы он играл, что ли, или по женской линии был ходок...

При всем этом история нашего тысячелетия, может быть, не знает фигуры более фантастической и многозначительной, чем Владимир Ульянов-Ленин, поскольку она, может быть, не знает события более фантастического и многозначительного, чем Октябрьский переворот. Не исключено, что через тысячу лет перестанут читать Льва Толстого, забудется Робеспьер, о Чингисхане будут знать только узкие специалисты, а Ленин заматерееет в истории в качестве восьмого чуда света и не забудется никогда. Все-таки Чингисхан был дикарь и разбойник, Робеспьер — маньяк, а по милости Ленина наша Россия приняла на себя коммунистический грех мира и, пройдя через крестные муки, тем самым его спасла.

Оттого мумия последнего мессии посреди Москвы — это, во-первых, очень по-нашему, по-русско-египетски, а во-вторых, совершенно по заслугам Владимира Ильича. Пусть так и лежит, аккуратно напротив ГУМа, и вечно напоминает: истинный доброхот человечества — это тот, кто больше заботится о себе.